

Сергей Шишков

**На
границы
высоты
и
падения**

Роман

Сергей Шишков

На грани высоты и падения. Роман

«Издательские решения»

Шишков С.

На грани высоты и падения. Роман / С. Шишков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853890-2

Роман Сергея Шикова «На грани высоты и падения» своим сюжетом родственен другому его роману «Эхо любви». В нём главный герой, несмотря на сложности судьбы, оказавшись не по своей воле на стройках Сибири, находит в себе силы остаться Человеком. Размышляя о людях, он считал, что в мире кроме законов борьбы за право власти, за право существование человека на земле, есть ещё очень важные законы — законы о любви, милосердии, терпении и вере. И они действуют, являясь спасителями души человека.

ISBN 978-5-44-853890-2

© Шишков С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Ленинградцы	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Часть вторая	16
Глава 3	17
Глава 4	20
Часть третья	23
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

На грани высоты и падения

Роман

Сергей Шишков

© Сергей Шишков, 2017

ISBN 978-5-4485-3890-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Ленинградцы

Глава 1

Ты когда-нибудь смотрел в небо?

Только небо обнимет всех

В середине августа месяца на железнодорожном вокзале Иван встречал свою маму Надежду Петровну и сына Серёжу. Стоя на платформе, он напряжённо всматривался вдаль, где пересекались меж собой параллельные линии рельс, угадывая, на каких из них может появиться поезд. Наконец, длинный состав вынырнул из-за поворота и приблизился к платформе, замедлив ход. Иван, всматриваясь в таблички с нумерацией вагонов, мелькавших за стеклом, неожиданно увидел дорогие лица, выглядывавшие из окна вагона. Поезд прошёл мимо него, но вскоре остановился. Иван ускорил ход, успев подойти к тому моменту, когда стали выходить первые пассажиры. Протиснувшись в середину вагона, он, найдя маму и сына, обхватил их руками и воскликнул:

– Мои дорогие, как я вас ждал! Наконец, приехали! С богом, на выход, домой!

Надежда Петровна указала на багаж, приготовленный к выносу, сказав:

– Ваня, это наш чемодан и корзинка с яблоками.

– И как вы всё это довели? – спросил Иван.

На что Надежда Петровна ответила:

– Добрые люди помогли.

Иван, взяв в одну руку чемодан, а в другую корзину, пошёл на выход. Вслед за ним пошли и Надежда Петровна с внуком.

Выйдя на платформу и поставив багаж на асфальт, он сказал:

– Тяжёлый груз, – и, посмотрев на корзину, удивлённо спросил:

– Где вы такую большую корзину нашли?

Надежда Петровна ответила:

– Сам Емельян Иванович смастерил. В саду столько яблок уродилось.

– Как вы доехали? Как наши бабушка и дедушка живут, на меня не обижались, приветы мне передавали? – вновь спросил Иван.

Серёжа первым ответил отцу:

– Они сказали, чтобы ты, папа, их не забывал.

Надежда Петровна добавила:

– Все тебя любят и ждут.

– Папа, папа, я смотрел в окно и видел тебя, – сказал Серёжа и прижался к нему.

Иван поднял его на руки и спросил:

– А ты слушался бабушек?

За него ответила Надежда Петровна:

– Он у нас послушный мальчик.

Пока они обменивались первыми впечатлениями от поездки, почти все пассажиры покинули платформу. Иван, жестом головы обратил на это внимание мамы, а потом с корзиной и чемоданом стал продвигаться к зданию вокзала. Надежда Петровна и Серёжа не отставали от него ни на шаг.

По пути к троллейбусу Иван рассказал маме о том, что Маша с сыном Ванечкой и их недавние гости Ксения Григорьевна и Ростислав Викторович уехали в свой родной город по причине сердечного приступа у последнего.

Надежда Петровна была опечалена этим событием, ведь она знала, что Ростислав Викторович и Ксения Григорьевна прибыли в Ленинград не просто в гости, но прежде всего для того, чтобы побывать на месте гибели их сына Ростислава.

– А место, где погиб их сын, они видели? – спросила мама.

– Да, они побывали там, – ответил Иван и, уже сидя в троллейбусе, рассказал о том, как на машине, предоставленной им Анатолием, его другом, они ездили в посёлок Невская Дубровка.

Он говорил, как на лодке их перевезли в посёлок, где состоялась их встреча с председателем поселкового совета, который показал списки и место захороненных там воинов.

Чтобы донести до Надежды Петровны значимость совершённого подвига сына и силу трагедии его отца, Иван стал вспоминать давно минувшие события, когда, будучи в Челябинске, они с Машей, узнав о гибели её брата Ростислава, отправились в Златоуст к родителям, чтобы поддержать их и разделить с ними горечь утраты.

Он рассказал ей и о письме, присланном сослуживцами Ростислава с описанием его мужественного поступка, когда он, пробираясь по траншеям и окопам на берегу Невы, вместе с другими бойцами освобождал эту землю от фашистов, сражаясь с яростью обречённого.

Надежда Петровна слушала его внимательно и, скорее для себя, чем для Ивана, произнесла слова:

– Не будет фашистам прощения... Прощения не будет... Не будет, никогда....

Дрожь прошла по телу Ивана от внутренней затаённой силы её голоса, и ему на минуту показалось, что она вобрала в себя всю боль и трагедию войны.

Он замолчал и внимательно посмотрел на маму, которая, видимо, поняв, что сын встревожился её состоянием, быстро отвела глаза и, как бы ни в чём не бывало, произнесла:

– Ванечка, продолжай свой рассказ. Мне интересно знать, нашёл ли твой тесть своего сына.

– В связи с тем, что имени сына в списках захороненных не обнаружили, все вернулись на левый берег Невы, – сказал Иван и продолжил свой рассказ о том, что почувствовал Ростислав Викторович, встретившись с землёй, на которой погиб его старший сын.

– Мамочка, та земля с её полуразвалившимися траншеями и окопами, останками тел бойцов, одеждками, лежащими на поверхности, разбитыми танками и орудиями, неразорвавшимися снарядами и множеством разбросанных пуль подействовала на нас магически. Она определила и состояние Ростислава Викторовича, который особым своим внутренним чутьём определил, что именно там находятся останки и его сына. Пробираясь по еле заметным шрамам бывших траншей и окопов, он стал как то странно себя вести, словно вынюхивая давно утерянные следы. Ноги сами вели отца по маршруту гибели его сына. Мы с Ксенией Григорьевной некоторое время наблюдали за ним и видели, как он подошёл к подбитому танку, обошёл его со всех сторон, а потом ладонями опёрся в его широкий лоб и что-то говорил, затем махнул рукой, опустился в неглубокую траншею и преклонил свою голову к земле.

Иван под впечатлением своего эмоционального рассказа сам схватился за голову, но тут же, поняв, что мать смотрит на него, опустил руки и замолчал.

Надежда Петровна, положив свою руку на его плечо, произнесла:

– Как тяжело прощаться с сыном. Я очень хорошо понимаю Ростислава Викторовича и Ксению Григорьевну. Ваня, продолжай, рассказывай.

Далее Иван говорил, как они вместе с Ксенией Григорьевной наблюдали за ним, но видя, как Ростислав Викторович опустился к земле, поспешили к нему, найдя его заплаканным и уткнувшимся в край траншеи.

– Ростислав Викторович то терял сознание, то вновь приходил в себя. Мы отвезли его в больницу, где он пролежал целый месяц. Не долечившись до конца, он потребовал отъезда из Ленинграда.

Этими словами Иван хотел закончить свой рассказ, но Надежда Петровна спросила:

– Ваня, а как выглядел перед отъездом Ростислав Викторович?

Иван ответил:

– А как может выглядеть человек после больницы, слаб он был, бледен лицом.

Подумав, он продолжил:

– Мне запомнились его последние слова, сказанные перед отходом поезда: «Я уезжаю. Возможно, мы больше не увидимся. Что ж, такова судьба. Жаль, что я простился только с одним моим сыном, точно зная, что он так и остался лежать на том поле и в том месте, где его сильная энергетика повлияла на моё здоровье. Его останки найдут, но я этого уже не увижу. Пусть его душа блуждает в ленинградском небе».

Надежда Петровна тихо плакала. Увидев, как по её лицу потекли слёзы, Иван, обняв её своей рукой, произнёс:

– Не плачь, моя дорогая мамочка, я понимаю, война всегда будет напоминать о себе. Сколько дорогих нам людей погибло, да, их уже больше к жизни не вернуть. Страшно и то, что миллионы людей будут умирать от медленной и тихой скорби по ним, хотя, как сказал один мудрый человек, в любом несчастье судьба всегда оставляет дверцу для выхода. Будем надеяться, что и в нашем случае всё завершится благополучно.

Это печальное состояние нарушил Серёжа, вытирая бабушке слёзы и говоря:

– Бабушка, не плачь, я же с тобой.

– Моя жена Маша решила тоже поехать вместе с ними, боясь, что её мама не сможет одна оказать в дороге необходимую помощь, – добавил Иван. Взяла она с собой и сына Ванечку, обещав, вскоре вернуться.

– Да, печальная история. Надеюсь, что скоро мы получим от них письмо, – сказала Надежда Петровна.

В это время троллейбус повернул за угол, где была конечная остановка.

Двери отворились. Иван с чемоданом и корзиной в руках вышел из машины, за ним, взяв внука за руку, медленно сошла со ступенек и Надежда Петровна.

Иван, обратившись к сыну, спросил:

– Серёжа, найдёшь ли ты дорогу к дому?

На что тот в ответ прижался к бабушке и посмотрел на неё. Бабушка тут же отреагировала, словно защищая внука:

– От площади до Крюкова канала всего ничего, дойдём не спеша.

– Мой сын, всегда помни дорогу к своему дому, – утвердительно произнёс Иван.

Серёжа сказал:

– Я помню, мы уже ходили по ней и ездили к дяде Анатолию.

Потом, подумав, добавил:

– Папа и бабушка, а почему нас Ванечка не встречает?

На что Надежда Петровна ответила ему:

– Он уехал от нас и сейчас находится очень далеко... на Урале. Мы и сами дойдём, ты же дорогу к дому помнишь?

– Да, помню, – сказал Серёжа и, взяв руку бабушки, потянул её на себя.

Вдоль Крюкова канала дорога к дому заняла не более получаса. Милая и родная квартира тянула к себе Надежду Петровну, как магнит. Она уже представляла себе, как сразу отправится на кухню, чтобы накормить своих мужчин, что ей всегда доставляло удовольствие.

Открыв дверь в квартиру, Надежда Петровна своим чутким обонянием уловила нахлынувшие запахи кухни. Она с любопытством посмотрела на Ивана, который, положив сумки и корзину в прихожей, сказал:

– А сейчас я вас кормить буду. После дороги, вы проголодались и устали, поэтому хозяйничать за столом буду я.

Надежде Петровне от такой заботы сына стало настолько приятно, что она расплакалась, сказав:

– Ваня, я очень рада, что ты подаёшь хороший пример своему сыну. Забота о близких людях – самое важное в жизни занятие.

– Вот тебе подарок от Прасковьи Ильиничны, свежие огурчики и зелёный лучок будут добавлением к нашему столу, – открыв чемодан, произнесла она и, вынув овощи, вместе с ними отправилась на кухню.

Вскоре был уставлен едой весь стол, за который уселись все члены семьи.

– Смотреть на дорогие лица является наслаждением для любой любящей матери! – гордо сказала Надежда Петровна.

Иван добавил:

– С нашей дорогой мамочкой и бабушкой любой домашний стол будет украшением.

После вкусного обеда каждый занялся делом: Надежда Петровна стала продолжать разбирать привезённый с собой чемодан, Иван раскрыл корзину и стал раскладывать яблоки.

Серёжа стоял рядом, но был молчалив, видно было, что он что-то хотел сказать отцу.

Иван это заметил, и разговор начал сам, спросив:

– Серёжа, ты не заболел ли или скучаешь по Ванечке? Хочешь, пойдём ко мне в комнату, и ты мне расскажешь про бабушку с дедушкой, твоих друзей?

Серёжа ответил:

– Папа, а Ванечка больше не приедет? Можно я буду жить в твоей комнате, где жила моя мама?

Отец в ответ сказал ему:

– Хорошо сынок, но только до тех пор, пока Ванечка не вернётся. Серёжа сразу повеселел.

Иван, разложив яблоки на стол, отправился вместе с сыном в комнату, где Серёжа первым делом поставил на комод фотографию мамы, но так, чтобы падающий от окна свет освещал её лицо.

Потом прыгнул на кровать поверх покрывала и увлёк за собой своего отца словами:

– Папа, залезай. Я так соскучился по тебе.

Иван лёг с ним рядом и, обняв его, сказал:

– Серёженька, я тоже очень скучал по тебе и ждал каждый день вашего с бабушкой возвращения. Расскажи мне, как живут бабушка Проня и дедушка Емельян? На следующий год мы с тобой обязательно поедem к ним.

В это время в комнату заглянула Надежда Петровна. Увидев, что сын и внук, расположившись на кровати, ведут свой разговор, сказала:

– Хорошо, что вы беседуете, и я отдохну.

Серёжа успел прокричать «Бабушка, иди к нам», но Надежда Петровна уже закрыла дверь, дав отцу с сыном продолжить их разговор.

Иван сказал:

– Пусть бабушка поспит в своей комнате, она очень устала.

На что Серёжа ответил:

– Наша бабушка Надя самая лучшая, она говорила, что ты, папа, очень любил мою маму. Дедушка Емельян мне говорил, что ты очень умный и добрый. А ещё, что ты трудолюбивый. А бабушка Проня, когда увидела у меня фотографию моей мамы, долго плакала. Я ей слёзы вытирал. Она очень просила тебя сфотографироваться со мной и послать фотографию ей в письме. Мы ходили к домику моей мамы почти каждый день, и я всегда смотрел на неё. Моя мама самая красивая и лучшая. Так мне и бабушка говорила. Мне она ещё говорила, что мама очень любила цветы. Мы ходили в поле и собирали их для мамы.

Иван дал сыну обещание, что выполнит просьбу бабушки, сделает фотографию и пошлёт её в Почеп письмом, а когда они поедут в туда, то на могиле посадят цветы.

Иван, беседуя с сыном, спросил, не забыл ли он деревню Белая Берёзка, в которой прошли его первые годы жизни, на что тот суровым голосом сказал:

– Папа, там партизаны жили, а меня к ним не возили. Туда дедушка Емельян и моя мама ездили на лошади. Там мою маму убили. Не хочу я туда.

Он на минуту замолчал, а потом более спокойным тоном продолжил:

– Папа, Таня и Катя брали меня с собой прыгать через огонь.

– Какой такой огонь? – спросил Иван.

– Это на лугу, когда темно было, дети палили костёр и прыгали через него. Я не прыгал, а они прыгали. Вот весело было! – с радостью в голосе ответил сын. Бабушка мне разрешала гулять с Немиком и Лучиком.

– Тебе понравились эти мальчишки? Это они нашли меня на горе, – сказал отец. Тогда, в мае месяце сорок пятого года я приехал к тебе, твоей маме, к дедушкам и бабушкам, но вас не нашёл. Не стало и дома, в котором мы жили. Сожгли его фашисты. Я стоял и плакал, а потом пошёл на край горы, с которой долго смотрел вдаль, лёг на землю и смотрел в небо.

Иван замолчал на минуту, а потом вдруг спросил сына:

– Ты когда-нибудь смотрел в небо, лёжа на траве?

Серёжа ответил:

– Нет, папа, мне бабушка не разрешала ложиться на землю, но я обязательно увижу небо.

Иван, посмотрев на сына, сказал:

– Там на небе тогда плыли лёгкие белые облака, уводившие меня куда-то в мир бесконечной синевы. Так как я более двух суток не спал, то вскоре уснул. Так вот мальчишки тети Тани спящим меня и обнаружили, сообщив обо мне своей маме. Она и помогла мне найти и тебя, и бабушку с дедушкой.

Отец с сыном ещё долго разговаривали между собой, но постепенно оба, утомившись в разговорах, уснули на кровати.

Иван вскоре проснулся и, прикрыв сына одеялом, тихо поднялся и вышел из комнаты.

Надежда Петровна тоже отдыхала недолго и, услышав, как скрипнула дверь, вышла из своей комнаты.

– Вот уж не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь, – увидев Ивана, сказала она. И всё же хорошо, что я съездила в Почеп. Ведь ранее мы с твоим папой бывали там почти каждое лето. И в этот раз, когда я ехала туда, в моём воображении виделся тот старый переулочек с красивыми старыми домами. А теперь его уже нет. Нет и нашего дома, и наших дорогих родителей. Я долго не могла смириться с тем, что на том месте, где до войны жили твой, Ваня, папа Иван Петрович, дедушка Пётр Гаврилович и бабушка Мавра Анисимовна, теперь остался только фундамент, заросший бурьяном.

Иван к её словам добавил:

– Последний раз, когда я там был, стоял большой дом, красивый забор, новая пристройка, а в ней русская печь. Ах, какую вкусную еду в ней готовила бабушка Мавра!

Надежда Петровна продолжила свои рассуждения:

– Мне понравился и дом, построенный тобой для Прасковьи Ильиничны и Емельяна Ивановича. Мне не забыть и ту теплоту, с которой они нас с Серёжей встретили. А всё потому, что они очень любили свою дочь Машеньку. Любят они и тебя, Ваня, только обижались на то, что ты давно у них не был, и очень просили посетить их.

Иван, как бы оправдываясь, сказал:

– Мама, ты же знаешь, что мне нельзя было уехать, Маша ревновала меня, да и Ванечка был совсем маленький.

Иван подошёл к окну. Увидев за каналом колокольню Никольского собора и подозревая к себе Надежду Петровну, продолжил говорить:

– Знаешь, мамочка, передо мной постоянно возникает лицо моей первой жены, хотя её нет с нами почти семь лет. Странное чувство овладевает мной, когда смотрю на колокольню, словно она оттуда постоянно наблюдает за нами.

– Ты любил её, а первую любовь забыть невозможно, – ответила мама и продолжила:

– В Почепе мы все вместе почти каждый день ходили к её могилке. Сколько слёз выплакали, вспоминая её жизнь!

В разговоре он узнал, что Надежда Петровна подружилась с Татьяной, хваля её за внимание и заботу, проявленное ею и её детьми по отношению к старикам.

Жизнь продолжалась. Примерно через неделю Иван получил письмо от жены, узнав из него, что тестя положили в больницу, а она сама решила пожить там до выздоровления отца, которому нужен был постоянный уход.

Муж тут же написал своё письмо, согласившись в нём с решением жены остаться там настолько, насколько это необходимо для поддержания здоровья Ростислава Викторовича. Надежда Петровна тоже приписала в письме свои пожелания скорейшего выздоровления.

В эти дни Иван с Серёжей выполнили просьбу бабушки Прасковьи, сфотографировавшись вдвоём и послав фото в Почеп.

Серёжу готовили к школе, чем в основном занималась Надежда Петровна. Иван домой с работы приходил поздно, подолгу засиживаясь в библиотеке. Работа требовала знаний для исследования новых незнакомых для него тем.

Глава 2

Встреча друзей

В середине октября месяца Ивана по телефону пригласил к себе домой Анатолий Дмитриевич. Он не скрывал того, что хотел вовлечь его в работу на предстоящей в январе сорок девятого года первой в стране оптовой ярмарке, объяснив, что эта работа для него будет временной, но важной, и его участие было бы желательным.

Иван явился к нему после работы и был удивлён тем, что в квартире его ждал не только Анатолий, но и ещё три его товарища. Двоих он уже знал: один из них был тот самый Николай Григорьевич, сопровождавший его в поездке на Невский пяточок, а вторым был Константин, присутствовавший в этой же квартире на праздновании дня Победы в сорок шестом году.

Не знал он только третьего, которого все называли Александром.

Появление Ивана хотя и нарушило ход их беседы, но не на долгое время.

Анатолий Дмитриевич, представив Ивана своим друзьям, сказал:

– Теперь мы все собрались, – и, посмотрев в сторону Александра, словно извиняясь за прерванный разговор, спросил его:

– Ну, так как встретили выставку произведений искусства и самих работников жители славного города Челябинска? Понравилась им выставка?

– Да, челябинцы с большим интересом отнеслись к ней. Нас же, небольшую группу специалистов, сопровождавших и знакомивших посетителей выставки с картинами из Эрмитажа, встречали с большим уважением. Они принимали нас не просто как жителей города Ленинграда, но как людей, впитавших в себя сам воздух города, высокую духовность его культуры и истории. Думаю, что именно это имели они в виду, когда признавались нам в любви, – подвёл черту Александр.

Иван поначалу не мог понять, что хочет сказать этим собеседник, но Константин к этим мыслям Александра добавил свои, говоря, что ленинградцы всегда показывали примеры новой жизни, что они и сейчас живут ожиданием хороших перемен, разработав такой план развития города, исполнение которого превратит Ленинград в лучший город во всей нашей стране.

Высказал свои мысли и Анатолий, отметив, что ленинградская промышленность уверенно выходит на довоенный уровень производства, что даёт ему право организовать очень важное событие: провести в городе первую в стране оптовую ярмарку товаров.

– Чтобы лучше жить, надо по-новому развивать экономику страны. В годы войны она была по-военному жёсткой, но теперь после войны может в отдельных случаях стать более свободной, – подчеркнул он.

Иван не был силён в вопросах экономики, поэтому сама доверительно откровенная беседа между друзьями повлияла на его решение стать участником команды, которой поручалось готовить ярмарку, как он думал, для нового рывка в развитии экономики страны, для авторитета Ленинграда.

И вот уже в начале января Иван шёл на Васильевский остров к зданию дворца культуры, где в большом зале должно было состояться торжественное собрание в честь её открытия. Его состояние было каким-то особенным. Ему представлялось, что он шёл на большой открытый для всего Ленинграда праздник, который касался всех жителей города. Переходя по мосту через Неву, он остановился, чтобы сверху увидеть и ощутить это. Перед ним в обе стороны открылась широкая замёрзшая монолитная полоса знаменитой реки. Морозный и влажный воздух белым инеем покрывал гранит набережных и многочисленных домов, узорной лентой обрамлявших этот величественный вид. Было ощущение, словно белая холодная пелена своей красотой держала город в напряжённом, но приподнятом состоянии.

С Благовещенского моста он ступил на Васильевский остров и, пройдя далее по набережной, вышел на Большой проспект, по которому дошёл до большого здания Дворца культуры.

Эти места Ивану были хорошо знакомы, так как неподалёку на Среднем проспекте располагалось здание института, в котором он работал.

И вот Иван уже сидит в огромном зале дворца, обозревая тяжёлый занавес бардового цвета, над которым красовалась длинная лента лозунга: «Проведём ярмарку достойно, по-ленинградски!».

Наблюдая за празднично одетыми людьми, он отметил для себя наличие множества женщин, звонкие голоса которых усиливали ощущение торжественности предстоящего события.

Но вот, наконец, занавес распахнулся, и в середине сцены открылся длинный стол, покрытый красным сукном, за которым уже сидели люди.

Раздались аплодисменты. Поднявшийся из-за стола мужчина, дождавшись тишины, громким голосом сказал:

– Слово предоставляется секретарю ЦК Кузнецову Алексею Александровичу.

Все вновь стали аплодировать. Иван, никогда не видевший этого человека, но много о нём слышавший, напряг зрение и внимательно смотрел, как тот шёл не к трибуне, а в середину сцены. Лицо его выделяло высокий лоб, но особенно сильно запечатлелись в памяти густые брови, почти нависшие на глазах.

– Вот он всесильный генерал и один из бывших руководителей блокадного Ленинграда, – подумал Иван.

Уверенной походкой он подошёл к краю сцены, где, остановившись, сразу начал говорить:

– Дорогие ленинградцы, мои земляки, я с радостью приветствую вас в этом зале. Вижу по вашим глазам, что вы готовы показать всей стране пример, понимая, что намечаемая ярмарка станет новым этапом в развитии экономики нашего общества. Советское правительство приняло постановление «О мероприятиях по улучшению советской торговли», в котором предлагается начать работу по организации межобластных оптовых ярмарок, как одну из новых форм обеспечения товарами республик, краёв и областей нашей великой страны. На них мы будем производить распродажу излишних товаров. В Ленинграде мы организуем первую всероссийскую оптовую ярмарку, и я верю, что справимся с этой задачей успешно, потому что про нас говорят, что мы, ленинградцы, большие патриоты своего города. Да, мы – патриоты, мы его любим, лелеем... Да разве такой город можно не любить? Как не любить его, этот мужественный город, в который с момента его основания не вступала нога врага! Краснознамённый, ордена Ленина город, сотни тысяч участников обороны которого носят как знак беззаветной стойкости медаль «За оборону Ленинграда», город, первым остановивший врага, выстоявший двадцать девять месяцев осады и разгромивший гитлеровские полчища под своими стенами, город, слава которого затмила славу Трои!

Его густой и сильный голос звучал в зале, как басовитая натянутая струна, и, словно дав залу несколько секунд на осмысление всего им сказанного, он ещё увереннее и громче добавил:

– Дорогие товарищи, теперь наступают новые времена и разрешён свободный ввоз и вывоз товаров из одной области в другую... Уверен, что мы организуем и достойно проведём первую в нашей стране свободную ярмарку...

Сделав многозначительную паузу, ещё громче произнёс:

– Ленинградцы, выполним поручение партии и правительства?

Все дружно ответили:

– Да! Выполним!

И закончил своё выступление призывами:

– Да здравствует Ленинград! Да здравствует Коммунистическая партия!

После его короткого, но очень эмоционального выступления все встали со своих мест и долго аплодировали. Встал и Иван и тоже громко хлопал в ладоши.

Потом было ещё много разных ораторов, но Иван находился под впечатлением этого выступления, отчего остальные речи он слушал плохо.

После выступлений всех руководителей города по зачитанным спискам участникам совещания предложили прямо в этом зале собраться группами для получения конкретного задания.

Ивану было поручено требовать от руководителей трёх областей предоставлять заявки на продаваемые и покупаемые ими товары.

В последующие дни он на своём рабочем месте в институте обзванивал ответственных лиц, а в январе, когда в Ленинград стали съезжаться торговые организации, встречал делегации, размещал их в гостиницах, принимал заявки по товарам.

Всё по – началу шло хорошо, по собранным им заявкам были отпущены все товары. Оставалось только последнее и завершающее действие: погрузить товары в пустые вагоны и отправить их в областные центры.

Несколько вагонов ушли в Челябинск. Было радостно сознавать, что часть дела выполнена успешно.

Однако, другие вагоны на товарную станцию не пришли. На следующий день они тоже не прибыли.

Иван был обеспокоен таким обстоятельством и сам отправился в управление железной дороги для выяснения причины задержки вагонов. Там сказали, что все вагоны стоят на станции Дно, но по техническим причинам отправиться в Ленинград не могут.

Иван позвонил Анатолию Дмитриевичу и сообщил об этом, но тот советовал не терять самообладания и надеяться на то, что скоро всё уладится.

Тем не менее, проблема не сдвинулась с мёртвой точки, много товаров так и осталось лежать на складах.

После закрытия ярмарки через несколько дней в квартире Ивана раздался звонок. Звонил Анатолий Дмитриевич, сообщивший, что в Ленинград неожиданно прибывает секретарь ЦК Маленков с группой партийных работников для участия в объединённом заседании Ленинградского бюро обкома и горкома ВКП (б). Голос его был взволнованным. По его словам, визит московских гостей был не случайным и надо ожидать неприятных известий. О деталях заседания Анатолий обещал рассказать позже.

Прошли сутки, звонка не было. Ивану не терпелось узнать о результатах проведённой ярмарки и особенно выяснить, почему так и не были поставлены вагоны для отгрузки товаров, и он позвонил Анатолию сам. Его многочисленные звонки на квартиру Анатолия так и остались без ответа. Телефон молчал.

Часть вторая Ордера на арест

Глава 3

Опасна власть

Опасна власть, когда её совесть в ссоре

Звонок раздался только на четвёртый день. Анатолий приглашал его прийти после работы к нему домой.

Любопытство Ивана перехлёстывало через край, поэтому прибыл он на Суворовский проспект заранее, ожидая Анатолия у его дома.

Тот только что возвращался с работы и, увидев Ивана, поспешил к нему. Они обнялись.

– Иван, прости меня за то, что я вовлёл тебя в эту работу, – сказал он и после паузы продолжил:

– Ты – прекрасный человек, и я хотел оказать тебе добрую службу, но... Давай сейчас не пойдём домой, а погуляем по нашему прекрасному городу, который, я думаю, поможет нам правильно понять и рассудить ужасные события, происходящие ныне в Смольном.

И далее Анатолий Дмитриевич стал рассказывать Ивану обо всём, что он услышал и увидел в эти дни, о чём, сильно переживая, рассуждал сам с собой, пытаясь понять закулисный политический смысл взаимоотношений двух городов Москвы и Ленинграда.

Он сказал, что Маленков приехал в Ленинград уже с готовым постановлением Политбюро, в котором определялась судьба высших руководителей страны, бывших ленинградцев, неожиданно снятых со своей работы якобы за антигосударственные действия.

– Ты, Иван, только подумай, какие обвинения выдвинуты. Никто этому в Смольном не верит. Думаю, что эта ошибка. Ты только подумай, Иван, какие имена. Нет, в это невозможно поверить.

Сказав эти слова, он как-то неожиданно схватился за голову и крепко сжал её своими руками, потом медленно освободил руки и безвольно опустил их вниз. Пройдя несколько метров по тротуару, он, посмотрев на Ивана, неожиданно спросил:

– А ты был в музее обороны Ленинграда?

Иван, конечно, не только не был в нём, но даже не знал, что такой музей существует.

Анатолий Дмитриевич с сожалением посмотрел на него и сказал:

– Жаль, что не был, но, возможно, уже никогда и не будешь. Вот ты не был, а Маленков был, вчера он изъявил желание посетить его. Правда, интерес у него был особенный. Вместо того чтобы оценить фонды, собранные на местах битв с немецко-фашистскими захватчиками, а за ними разглядеть историю героической битвы за Ленинград и ленинградской блокады, он увидел в этом принижённую роль Сталина и высказал фантастическую и чудовищную мысль о каком-то террористическом акте против вождя. Проходя мимо дорогих ленинградцам экспонатов, он кричал на сотрудников музея и на нас, сопровождавших его по музею:

– Создали миф об особой «блокадной» судьбе Ленинграда! Свили антипартийное гнездо! Принизили роль великого Сталина! Готовили на случай его приезда террористический акт!

Анатолий Дмитриевич был взволнован, говорил эмоционально, но не громко, словно душа его кипела, а голова призывала к сдержанности.

Иван не перебивал его своими вопросами, понимая, что на него, как на ответственного работника, тоже ложится эта политическая тень.

Тот продолжал высказывать свои мысли, потому что все эти дни и ночи он думал, думал над тем, почему вдруг московские власти свою яростную атаку направили на ленинградцев?

Ему захотелось поделиться с Иваном теми размышлениями, которые терзали его всю ночь, и он сказал:

– Зависть – вот главное, что тормозит развитие страны. Она обвиняет и судит без доказательств, принижая достоинства и приумножая недостатки, даёт малейшим ошибкам громкие названия, язык её исполнен желчи, преувеличения и несправедливости. Если завистливыми становятся простые люди, то потери выявляются среди родственников и друзей, но если зависть овладевает людьми, наделёнными властью, то могут быть разрушены судьбы многих людей, городов и даже стран. Не зависть ли является причиной таких действий московских властей? Запомни, Иван, прошедший 1948 год. В этот год не стало бывшего руководителя Ленинграда Жданова, он, «согласно заключению врачей», был отправлен по решению Политбюро в двухмесячный отпуск, а через два месяца его не стало. Умер ли? Или... Так это или иначе, можно об этом только догадываться, но стало ясно другое, отныне самый авторитетный ленинградец исчез с политической карты. Не было ли в этом действии попытки поставить на колени гордых «ленинградцев», заставить их покорно следовать Москве. Не с этой ли целью явился в Ленинград, занявший его должность Маленков, пренебрежительная и грубая манера поведения которого говорила именно об этом. Слишком напористый, даже грубый тон его сиплого голоса, сообщавший об ужасных обвинениях в адрес всей ленинградской партийной организации, вызвал во мне полное отрицание его слов. Смысл его речи сводился к тому, что руководители города встали на путь антипартийных методов работы и противопоставили себя Центральному Комитету. Он заявил даже о том, что руководство ленинградской партийной организации и его обком превратился в опорный пункт для борьбы с ним. Он требовал от присутствовавших в зале членов партии подтверждения существования в Ленинграде антипартийной группы, причём вёл себя как хулиган, буквально не говорил, а орал на всех. Мне показалось, что после расправы со Ждановым, теперь наступила очередь его соратников.

После этих слов несколько минут он не проронил ни слова, уйдя в себя. Этого времени было достаточно, чтобы Иван смог осознать исходящий от него поток мыслей. Он, лично никого из них не знавший, представил себе эти события как бы со стороны, но заинтересованно, как ленинградец, и понимал, что для Смольного наступают тяжёлые дни.

Они шли и, поглощённые своими мыслями не видели людей, идущих рядом с ними, не ощущали морозного воздуха, щипавшего их уши и щёки. События развивались внутри них самих.

Ивану стало жаль Анатолия Дмитриевича, но перед его глазами возник образ Кузнецова. Уж очень эмоционально он тогда на совещании говорил, искренне любя свой город и людей, живущих в нём. А разве не показательно, что на его призыв, все сидящие в зале откликнулись с таким воодушевлением, что потом долго аплодировали его простым словам. Значит, они доверяли ему.

Он посмотрел на Анатолия Дмитриевича и спросил его:

– А что Маленков сказал о проведённой ярмарке?

На что тот уставшим, но взволнованным голосом ответил:

– А что он хорошего может сказать, когда все его мысли были направлены против нас. Он заявил, что секретарь ЦК Кузнецов самовольно и незаконно организовал Всесоюзную оптовую ярмарку, пригласив к участию в ней торговые организации краёв и областей, включая и самых отдалённых вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик. А это означало, по его словам, нанесение большого ущерба государству в связи с неоправданными затратами государственных средств на организацию ярмарки и на переезд участников её в Ленинград и обратно. Он говорил также, что на ярмарке были предъявлены к продаже товары на миллионы рублей, включая те, которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к ущемлению интересов ряда краёв, областей и республик.

Иван слушал Анатолия внимательно, но верить его словам не хотелось. Получалось, что Москва отвергает новую форму хозрасчёта в экономическом хозяйствовании, и ему теперь стало понятно, отчего были задержаны пустые вагоны.

Анатолий Дмитриевич хотя и старался говорить уверенно, но Иван видел, как он волнуется. Это было заметно по частой смене интонаций в его голосе и судорожном движении мышц лица, чего ранее за ним не наблюдалось.

Чтобы как-то успокоить его переживания, Иван спросил:

– Анатолий Дмитриевич, но вы же лично ни в чём не виноваты?

– Я не виноват, обо мне на пленуме не было сказано ничего, но я думаю, что это начало большого разговора. Ведь Маленков набросился и на тот факт, что остались нереализованные продовольственные товары, свезённые в Ленинград со всей страны, и его несколько не заинтересовал факт недопоставки вагонов, отчего и не были они отправлены в города страны.

Друзья расстались поздно вечером, пройдя, несмотря на мороз, почти весь проспект и убеждая в невиновности себя и всех ленинградских руководителей.

Когда Анатолий ушёл, Иван оглянулся: там где-то в конце проспекта виднелось здание Смольного, отныне поселившее в его душе до конца не понятное им чувство опасности.

Зимние дни в Ленинграде короткие, и, как казалось Ивану, люди словно растворялись в этой сумрачной жизни, где слух о предательстве местных руководителей быстро разлетался по городу.

Глава 4

Ордера на арест

Время бежало неумолимо быстро. Анатолий по-прежнему работал в Смольном, и иногда сообщал Ивану последние новости. Так, он известил его о полном уничтожении Музея обороны, сообщил так же о том, что из отделов стали увольняться старые опытные кадры сотрудников и появляться новые незнакомые ему люди.

Наконец, он узнал, что в Доме офицеров на Литейном проспекте состоялся так называемый открытый судебный процесс по делу руководителей Кузнецова, Попкова и Вознесенского. Подсудимых обвинили в измене Родине, контрреволюционном вредительстве, участии в антисоветской группе и приговорили к высшей мере наказания.

В ноябре месяце Анатолий Дмитриевич сообщил о слухах, ходивших в кругах его друзей, что в Ленинград приехал Абакумов, недавно назначенный министром госбезопасности, с большой группой работников комитета госбезопасности.

Не знал Анатолий только одного, что они прибыли в Ленинград, чтобы сломать и его судьбу.

Вскоре его вызвали в кабинет, где за большим рабочим столом сидел новый назначенный первый секретарь вместе с неизвестными ему людьми. Их было трое.

Они стали задавать ему такие простые вопросы, от ответа на которые зависела его вина перед ними:

– Вы – Анатолий Дмитриевич Савкин?

– Да.

Вы участвовали в организации оптовой ярмарки?

– Да.

– Кто ещё работал вместе с вами?

Он назвал знакомых ему сотрудников Смольного, в том числе и фамилию Ивана.

Вы знаете о допущенных на ярмарке убытках на сумму в четыре миллиона рублей?

– Нет, не знаю.

– Так вот, знайте, вы являетесь одним из организаторов экономического преступления, за что исключены из партии и уволены с работы. Больше вы не являетесь работником Смольного. Идите, и не забудьте передать своим друзьям, что вам запрещено покидать город, потому что все вы нам ещё будете нужны.

Анатолию Дмитриевичу не разрешили даже зайти в его кабинет, где остались лежать его личные вещи, и одним из охранников он насильно был выведен за пределы здания.

Две недели Анатолий Дмитриевич находился в постоянном ожидании ареста. Некоторых из его друзей, также вероломно уволенных с работы, уже взяли, о чём сообщили им их жёны.

В конце января пятьдесят первого года пришли и за ним, о чём Ивану сообщила жена Анатолия Дмитриевича.

Она сама явилась к нему домой со своей дочерью Надей, боясь оставаться у себя.

– В тот вечер мы рано легли спать, – рассказывала Светлана. В два часа ночи к нам постучали. Я подошла к двери и спросила:

– Кто там?

Мне ответили:

– Открывайте, у нас ордер на арест Анатолия Савкина. Сердце моё застыло, и я не могла пошевелиться. Руки и ноги окаменели, я даже не смогла сделать ни одного шага. В дверь постучали с новой силой, и я только смогла крикнуть «Толя! Вставай!». Муж спрыгнул с кровати, подбежал ко мне и усадил меня на стул. Потом, подав мне халат, стал одеваться сам.

С другой стороны стучали громко, не переставая, а когда Анатолий открыл дверь, трое военных просто вломились в квартиру.

Один из них, закричал:

– Кто здесь Савкин?

– Я, – спокойно сказал мой муж.

– Вы арестованы, одевайтесь.

Анатолий успел подойти ко мне, сидящей на стуле, поцеловал меня и сказал:

– Прощай, моя Светланочка. Поцелуй за меня доченьку Наденьку. Я буду думать о вас.

Его просто вытолкнули из двери. Я поднялась со стула и сумела дойти до окна, из которого был хорошо виден весь проспект. Под одним из фонарей стоял автомобиль чёрного цвета. Через минуту к нему подвели Анатолия, втолкнули в заднюю дверь, и машина тронулась, растворившись в сумраке. Больше я своего мужа не видела. В эту минуту меня обдало таким жаром, что я, теряя сознание, опустилась на пол.

Открыв глаза, увидела испуганное лицо дочери:

– Мама, что с тобой? Где папа? – спросила она.

На что я слабым голосом ответила:

– Доченька, папу забрали дяди, а мне очень плохо. Принеси воды. Она принесла воды и обняла меня. Я прижалась к её рукам и несколько минут находилась в забытьи, пока до моего сознания не дошло, что со мной находится моя дочь и нельзя пугать ребёнка. Открыв глаза, я ей сказала:

– Доченька, иди спать, а я сейчас приду к тебе. Она ушла, а я, посидев ещё с полчаса в отрешённости от произошедшего события, вернулась к ней. Уснуть мы больше уже не смогли, а утром, не выдержав переживаний, пришли к вам.

Надежда Петровна долго успокаивала её, предполагая скорое возвращение домой Анатолия.

Но Светлана сказала:

– У меня душа разрывается. За что его арестовали? Ведь он никогда и никому ничего дурного не сделал.

Иван был потрясён, узнав историю Анатолия Дмитриевича. Он надеялся, что всё закончится благополучно, и его отпустят, но в душе тревога появилась и у него.

Светлана с дочерью несколько дней провела у Надежды Петровны, боясь возвращения домой.

В это же время Иван получил неутешительные письма из Златоуста, в которых сообщалось о слабом здоровье Ростислава Викторовича. Ксения Григорьевна очень беспокоилась за его жизнь и боялась, о чём ей сообщили врачи, что жить ему осталось недолго и что в любую минуту его слабое сердце может остановиться навсегда.

Иван из-за смольнинских событий поехать в Златоуст не мог, но написал письмо, изложив в нём некоторые подробности событий. О своём приезде к ним он не сказал ничего.

Тревожное состояние в ожидании чего-то худшего не покидало его. По-прежнему ходили слухи о новых арестах, их приносила с собой Светлана, часто посещавшая их. Она же известила, что арестованных подвергали допросам и пыткам.

Прошёл ещё целый месяц, когда в конце марта пятьдесят первого года и в квартиру Ивана ночью грубо постучали. Дверь открыла Надежда Петровна.

Её спросили:

– Где Иван Шишков?

– Дома, – ответила она.

Один из военных отодвинул её и сказал:

– Он арестован. Пусть выходит.

Надежда Петровна, не впуская военного в комнату, где спал её внук, стала громко звать сына:

– Ваня, скорее иди сюда, – и, обратившись к военным, спросила:

– За что?

– Вот ордер на арест, – сказал военный и показал какую-то бумажку за печатью и подписью.

Вышел Иван. Он посмотрел на бумагу и стал собираться, говоря:

– Я никакого преступления не совершал.

– Скорее собирайся, там разберутся, – грубо ответил военный.

Иван зашёл в спальню к сыну, но будить его не стал, а только внимательно посмотрел на блаженное сонное его личико, и, дотронувшись до него рукой, нежно погладил. Затем вышел, поцеловал маму и сказал:

– Мама, я ни в чём не виноват. Прости меня, если доставил тебе излишнее волнение, уверен, что меня утром отпустят, – и вышел вместе с людьми в форме.

Надежда Петровна подошла к окну и через несколько минут увидела, как военные вывели из подъезда её сына, грубо затолкнули в машину, стоящую под окном дома.

Она заплакала. Мама ждала сына три дня, после чего решила отправиться к Светлане, чтобы облегчить свои страдания и узнать какие-либо новости. Однако, та, обойдя всех друзей Анатолия, узнала, что и их семьи ничего о своих мужьях и сыновьях не знают, посоветовав ей пока ничего не предпринимать, чтобы не навлечь на себя самих лишних невзгод.

Вскоре пришло новое письмо от Маши из Златоуста. В нём было известие о смерти Ростислава Викторовича.

Надежда Петровна тут же написала ей ответное письмо, в котором выразила сочувствие ей и Ксении Григорьевне по случаю кончины Ростислава Викторовича, назвав его прекрасным мужем и отцом, а также мудрым и красивым человеком, и известила Машу об аресте Ивана.

Новое письмо от Маши пришло быстро, в котором она просила подробно сообщить об обстоятельствах ареста Ивана. Всё, что знала, Надежда Петровна уже сообщила ей, поэтому сразу на письмо отвечать не стала.

Через несколько месяцев из следственного комитета пришло официальное письмо. В нём сообщалось о том, что Иван Шишков «за участие в антисоветской группе, порчу продукции и растрату государственных средств осуждён на десять лет колонии без права переписки в первый год заключения».

Надежда Петровна, получив его, долго держала тоненький листок в своих руках и не могла этому поверить. На следующий день она отправилась к Светлане, которая попыталась успокоить её, показав такое же однотипное письмо, только срок заключения у её мужа был увеличен на пять лет.

Они плакали, осуждая всех людей в военной форме.

– Десять и пятнадцать лет заключения за то, что они честно служили своей родине? Что же это за игры властей с лучшими людьми страны? Это уже выше всякой меры, – сказала Светлана.

Надежда Петровна предложила написать письмо самому Сталину, думая, что он знает, какие это были честные и порядочные люди.

В ответ Светлана сказала:

– У нас на работе редактор предупредил, что уволит любого сотрудника, кто будет вслух говорить, а тем более писать об этом.

Они решили сами сходить в следственный комитет и там узнать местонахождение Ивана и Анатолия.

Поход туда на следующий день оказался безуспешен, просто их никто туда не допустил.

Часть третья Лагеря

Глава 5

Серый дом на Литейном

Помни, каждая жизнь имеет свою цену

Находясь в машине в окружении вооружённых людей, Иван в первый раз ощутил на себе насилие. Исполнявшие чей-то бессмысленный приказ эти безразличные к его судьбе люди разговаривали с ним тычками своих автоматов до тех пор, пока, наконец, машина не остановилась. Открыв заднюю дверь, один из них подтолкнул его к выходу. Оказавшись на свежем воздухе, Иван узнал здание Большого дома, возле которого он бывал и ранее, и, конечно, знал, что на этом месте ещё в царские годы была знаменитая тюрьма. Говорили, что в его коридорах подследственным, которых вели на допрос, было запрещено встречаться. Конвоиры прятали их в специально установленные большие шкафы, поворачивая лицом к стене, чтобы избежать любого контакта. При встрече тихие вздохи для них были единственным способом общения.

Не радовали и всевозможные прозвища этой зловещей организации, такие как Серый дом, Малая Лубянка, вызывавшие у него чувство страха. Все эти картинки возникли в голове Ивана тогда, когда его вели по узкой лестнице на пятый этаж и по длинному казённому коридору.

Его втолкнули через высокую тяжёлую дверь в комнату, где за столом сидел следователь в форме. Иван, сделав по инерции несколько шагов вперёд, остановился, не зная, что делать дальше.

Следователь же, сидя за столом, напомнил о себе громким голосом, сказав:

– Ну что, Иван Шишков, давай раскалывайся, рассказывай, кто тебя вовлёк в преступную группу по разбазариванию государственных фондов?

– Ни в какой преступной группе я никогда не состоял, – ответил Иван.

На что последовало новое обвинение:

– Ты, как и твои кореша, посягнули на святые основы, завещанные нам великим Сталиным. Кто тебя вовлёк в работу по организации всероссийской ярмарки? Почему были испорчены сотни тонн продукции и растрочены миллионы рублей государственных средств?

– Это ошибка. Мы не портили продукцию и не тратили государственные средства, – ответил Иван, стараясь отвечать спокойно, что выводило из себя блюстителя закона.

– Короче, у меня нет времени с тобой разговаривать сейчас, вот тебе лист бумаги и карандаш. Ты должен о своих преступлениях всё написать. И чем подробнее ты это сделаешь, тем лучше для тебя и твоих проходимцев. Все фамилии твоих учителей, всё, чему тебя научили эти предатели, что ты натворил сам должно быть отображено здесь.

– Но мне нечего писать, я честно выполнял свою работу.

– Посмотрим, когда ответишь на все вопросы, – сказал он и нажал на кнопку, вмонтированную в стол.

Дверь раскрылась, и вошёл новый человек в форме.

– Увести, – отчеканил следователь.

Ивана отвели в комнату, где прямо на полу сидело около двадцати человек мужчин. Присмотревшись, пытаясь найти среди них Анатолия и других его товарищей, и, не найдя их, он отошёл в сторону, а потом также, как и другие арестованные, уселся на пол и задумался.

Он представил себе ту камеру пыток, где жестокие следователи начнут выбивать из него нужные им показатели его мнимых преступлений перед родиной, и вновь подумал об Анатолии:

– Неужели над его друзьями применяли насилие, требуя показаний? Почему от Анатолия нет никаких известий? Где он мог быть сейчас? Может, за стеной в другой комнате, а, может, его уже куда-то увезли?

Ему захотелось поговорить с кем – либо из присутствовавших здесь людей, а вдруг кто-то знает или видел его, и стал выбирать лица и искать в них отзыва на своё желание, но увидел, что почти все они отводили от него глаза.

И ему стало понятно, что разговоры между ними были запрещены, а боязнь каждого усугубить свою судьбу останавливала их желание общаться.

Ивану казалось, что он понимал этих людей, поэтому больше не смотрел в их глаза, а углубился в рассуждение текста своих показаний следователю. Он решил честно признать свою правоту, считая, что ярмарки были традиционными на Руси мероприятиями, открывавшими людям возможность свободной торговли. И эта ярмарка, по его мнению, имела ту же цель, только она была более масштабной и целенаправленной. Проведение её в Ленинграде, по его мнению, придавало ей больший авторитет и значение. По крайней мере, ни один из областных руководителей не высказал своего неудовольствия, а организаторы ярмарки работали честно и с высокой долей ответственности. Он не увидел в этой работе признаков вредительства.

Ему было непонятно только одно: почему не были поставлены товарные вагоны для отгрузки товара? Иван объяснил в записке и то, как ходил в управление железной дороги, с кем там разговаривал, выясняя причины отсутствия вагонов, как писал докладные в Смольный, не добившись результатов.

Ещё он написал, как участвовал в организационном совещании, где ему поручили работу с ответственными лицами, написал об Анатолии Дмитриевиче, как о честнейшем человеке, доверивший ему эту работу. Не забыл он сказать и то, что делал всё, чтобы работа по организации оптовой ярмарки прошла успешно.

В комнате было необычайно душно и дурно пахло, в ней происходило постоянное людское движение. Некоторых вызывали на допрос. Кто-то вновь занимал свои места, некоторые уже никогда не возвращались обратно.

Так как уборных в помещении не было, то заключённые часто просились вывести их, хотя охранники на это реагировали неохотно, а когда выпускали, то постоянно грубили.

Так прошла ночь и целый день. Время тянулось нескончаемо медленно. Наступил вечер. Трудно было определить точное время, в высоком единственном окне комнаты отражалась только желтизна вечерних фонарей. Усталость стала брать своё, и Иван на полу свернул своё тело калачиком и уснул.

Неожиданно дверь распахнулась, и вошедший человек в форме громко сказал:

– Иван Шишков, на выход.

Пришлось подняться и направиться вслед за ним и вновь оказаться перед тем же следователем, который, прочитав показания, сказал:

– То, что ты написал, никому не интересно. Что ж будем допрашивать, раз не желаешь рассказывать всю правду.

– Я же правду написал, – робко произнёс Иван.

А теперь изволь отвечать однозначно на мои вопросы, – сказал он, а потом долго и нудно задавал примитивные, но подчас провокационные вопросы.

Иван не знал, как он оценит их, не нанесут ли его ответы вред ему самому и другим людям.

Вопросов было много о нём самом и его родителях, о работе во время войны и его друзьях.

Следователь спрашивал его также о том, знал ли он о вредительских действиях ленинградской антипартийной группы, и понимает ли он, куда ведёт вредительская экономическая политика Вознесенского?

Это были трудные вопросы, но Иван уже догадался, что доказывать что – либо следователю было бесполезно, поэтому на большинство вопросов отвечал коротко и однозначно: нет.

Ему было не совсем понятно только одно, почему следователь долго выяснял у него чисто профессиональные его качества как горного инженера.

В целом же Ивану показалось, что следователю было всё равно, что он отвечал ему, потому что сразу после допроса он вызвал ещё двоих своих помощников, принёсших ему листок бумаги, и, держа лист перед собой, зачитал то, что там было написано.

Это было уже готовое постановление тройки членов суда, решившие осудить Ивана Шишкова «за участие в антисоветской группе, посягательстве на святыне сталинские основы плановой экономики, вовлечение себя в работу по организации антисоветской всероссийской ярмарки, порчу продукции и растрату государственных средств на десять лет колонии без права переписки в первый год заключения».

Глава 6

Дорога к вечной мерзлоте

Ивана повели в комнату, где уже сидели только что осуждённые на длительные сроки заключения люди.

Ночью их строем вывели из Серого дома и, погрузив в машины, отвезли в вагон товарного поезда с нарами, сделав его на целый месяц местом проживания почти тридцати человек.

Вагон, набитый людьми, двигался по железным дорогам России. Его, то отцепляли от поезда, то прицепляли к новым составам. Поезда делали свои остановки только в безлюдных местах, где разрешалось справить нужду, да размять у вагона ноги.

Следовавшие вместе с ними охранники в контролируемом ими пространстве разрешали заключённым свободно перемещаться и общаться между собой.

Иван узнал, что в вагоне были в основном люди грамотные и даже учёные, обвинённые в действиях, которых они никогда не совершали.

Люди в вагоне сдружились между собой, не замечая своих обременений и обмениваясь различной профессиональной и личной информацией. Иван уже потерял счёт дням, когда их привезли на маленькую станцию без названия, заставив выйти из вагона и, построив колонной, куда-то повели. Шли около часа. Но вот показалась широкая река с небольшой деревянной пристанью, незаметно приютившейся на пологом берегу. Примерно через такое же время к пристани подошёл теплоход. Протяжный глухой гудок его вскоре известил опустевшие берега реки об отплытии их вниз по течению. Чем ниже теплоход опускался по течению реки, тем шире были её берега. Заключённые совсем перестали ориентироваться во времени, а весь распорядок происходил только по командам.

Наконец, теплоход гудком вновь напомнил о себе и приблизился к пристани. Все сошли на берег.

Бескрайняя панорама то ли реки, то ли моря предстала перед ними. Дул сильный ветер. Им приказали одеть все свои одежды, а потом в открытом кузове машины привезли к небольшому деревянному посёлку, где распределили в бараках по нарам.

Примерно через час к ним явился человек, представившись Васиным Константином Дмитриевичем и объявивший себя начальником работ.

Он сказал, что ему поручено провести с ними разведочные работы по добыче руды, при этом, спросив:

– Вы, как мне сказали, специалисты и геологи?

Утвердившись, что это так, сказал:

– Хочу предложить вам работать так, чтобы ваш срок заключения засчитывался как один год к трём. Работу начинаем с завтрашнего дня. Подъём в шесть утра. Кто здесь геологи, прошу подойти ко мне, остальные свободны.

Иван и ещё четыре человека подошли к нему. Васин потребовал пройти вместе с ним в другой барак, где, оказалось, у него был свой кабинет.

Там он, усадив всех на стулья, спросил:

– Вы из Ленинграда? – и, не дожидаясь ответа, продолжил:

– А я вот из Москвы, уже второй сезон работаю здесь на объекте. Скоро здесь будут построены крупный посёлок, рудник, обогатительная фабрика, аэропорт. От бухты Зимовочной, что на берегу реки Широкой, куда вы прибыли на теплоходе, будет построена узкоколейка. Это глубокий залив, к которому могут подходить суда с большой осадкой. Уже сейчас они туда прибывают, доставляя нам топливо, сборные дома, трактора, вездеходы, буровые станки, строительные материалы. Нам предстоит добывать руду, и я бы хотел, чтобы вы стали мне помощниками, и если согласны, тогда по рукам.

Он рассказал также о крупных экспедициях геологов, топографов, геофизиков, сумевших провести систематическую геологическую съёмку и создать геологические карты рудопроявления в этих местах.

– Однако практическая работа только начинается, и если мы найдём здесь обогащённые руды, о чём никто, кроме вас, не должен знать, то все по заслугам получим своё: вы скорейшее освобождение, мы – награды, а здешние места новую жизнь, – уточнил он.

Начальник экспедиции здесь же своей властью назначил их бригадирами среди заключённых, объяснив задачи на завтрашний день.

Выйдя из кабинета Васина, Иван почувствовал усталость, какое-то томительное и беспокойное чувство охватило его. Вместе с остальными геологами он направился к бараку, но, не дойдя до него несколько метров, увидел большой камень и, подойдя, сел на него. Оглядевшись вокруг, неожиданно вспомнил другой камень, уральский, на котором он когда-то, словно на троне, восседал свободным человеком.

То была одна из первых в его жизни геологических экспедиций, оставившей глубокий след в его памяти. Он представил себе Владимира Петровича, уверенно приведшего его к тому драгоценному камню, похожего своим внешним видом на трон. Уже тогда он проникся к нему уважением, считая его наставником и мудрым человеком, не боявшийся никаких трудностей. Сейчас же Иван хотел быть похожим на него, понимая, что ему теперь предстоит выдержать новое испытание, заново познать самого себя, испытать свою совесть трудом и терпением, погасив в себе любую надменность и тщеславие характера. Он хотел следовать путём своего учителя.

С такими мыслями он вошёл в барак, где был скудный ужин, за которым последовал по единой команде отбой.

На следующий день ровно в шесть часов утра дежурный объявил подъём. Теперь всё было расписано по времени: несколько минут на подъём, построение, переключку, умывание и завтрак. После новой переключки заключённых построили по бригадам и строем отправили на работу к участкам, находившимся примерно в часе пешего хода от посёлка.

Целый день с помощью кирок и лопат они по указанию Васина рыли ямы. Иван трудился на совесть наравне со всеми, отчего его руки покрылись волдырями. Работали до тех пор, пока не последовала команда: «Конец работе, обед».

Прибыла полевая кухня. Мужчины подходили к котлам, подставляя алюминиевые миски и кружки, и, расположившись на обочинах вырытых ими ям, с жадностью глотали еду, запах которой ветром разносился над полем.

После обеда они вновь углубились в свои норы, выбрасывая на поверхность никем ещё до них не тронутую землю. Двенадцать часов работы пролетели быстро, усталость валила с ног.

Прибыв к своему бараку и поужинав, все как один упали на свои жёсткие постели.

Так пролетел их первый трудовой день, за которым последовал второй, третий... Это была медленная, кропотливая и нудная работа.

Через несколько дней в шурфах были заложены патроны с аммонитом, и вот настал момент, когда над замёрзшей тундрой прокатился гулкий взрыв, перевернувший и выбросивший на поверхность тонны нетронутой миллионы лет до этого арктической земли.

После того, как отгремели взрывы, с одного из участков прибежал к Ивану весь взъерошенный, взволнованный радиометрист.

– Пойдёмте! Скорей! Ураганная активность! Нашли руду! – закричал он.

Иван помчался к Васину, чтобы сообщить ему об этом. Когда они подошли к шурфу, где находился радиометрист, то увидели лежащие раздробленные глыбы породы, к которым он прикладывал свой радиометр. Прибор трещал, захлёбывался, задыхаясь. Стрелка скакала, не поспевая за выбросами активных импульсов.

– Вот он, звёздный час! – подумал Васин, отправляя о сделанной находке рапорт.

Вскоре пришла министерская директива о том, чтобы из отвалов пройденных выработок, собрать в бочки всё, что может считаться рудой. Ею заполнили несколько десятков бочек.

Чтобы открыть такие полезные компоненты и на других участках, были заложены и более глубокие шурфы, однако там результаты были неутешительными. Да и на расчётной глубине в других местах, где ожидалась встреча с рудным телом, не оказалось ничего.

Начальник управления, требуя результатов, пустил в ход всю имевшуюся в резерве технику. Заработала так называемая «тактика переворачивания тундры». Бульдозеры и экскаваторы рыли длинные разведочные канавы и глубокие ямы, и вскоре по тундре потянулись километры рвов, которые не успевали обследовать специалисты, так как эти разработки в оттаившем грунте обрушивались и оплывали.

На объект зачастили различные комиссии и представители. Иван, понимая бессмысленность продолжения поисков и втайне обрадовавшись этому, сказал Васину:

– Прекращайте изуродовать природу, здесь ведь нет радиоактивных продуктов.

На что тот ответил:

– Я уже говорил руководству, что в тундре нет необходимой выработки, но они твердили своё, мы обязаны найти руду. У нас есть средства, возможности, деньги. У нас есть воля. Мы перевернём тундру, но сделаем то, что должны сделать, всегда помня, что товарищ Сталин нас учит: «Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять»!

Сам Васин был в тяжёлом расположении духа, ведь в этом была и его ошибка. Он осунулся, потерял прежний здоровый цвет лица.

В сентябре начались первые морозы, становилось холодно. Тогда же поступила команда и для заключённых: сменить лагерь.

Куда лежал их дальнейший путь, никому не было известно, но той же дорогой на прицепе автомашины они были привезены к бухте.

Шёл снег. Грелись у костра, разведённого кем-то на берегу реки.

Но вот раздался хриплый гудок, и на воде показался теплоход, вскоре причаливший к берегу.

Заключённым был отдан приказ занимать места в нижней палубе по правой стороне. Ивану досталось место с края от прохода.

Через час под завывание мотора и шума воды, слышавшегося из-под днища, теплоход начал своё движение.

Глава 7

Енисей

Вторые сутки теплоход медленно двигался с севера на юг по реке, величие и значимость которой впервые оценил Иван, поднявшись на верхнюю палубу. С высоты хорошо была видна широта водного пространства, сдерживаемая высокими скалистыми берегами. Быстрое течение воды, разрезаемое носом теплохода, увеличивало ощущение силы и мощи реки. Сильный прохладный ветер, дувший прямо в лицо, не ослабил его желания восторгаться увиденной суровой красотой реки, хотя из-за холода принуждал Ивана отворачиваться от него.

Он заметил, что вместе с ним с другой стороны палубы стоял ещё один человек, который, как ему показалось, в профиль был похож на Владимира Петровича.

– Мистика какая-то, – про себя подумал Иван.

Мужчина почувствовав, что на него смотрят, сменил позу и схожесть исчезла. Несмотря на это, Иван подошёл к нему:

– Здравствуйте. Извините, не скажете ли вы мне, как называется эта река?

– Здравствуйте, – ответил он. Это Енисей, великая сибирская река, полноводнее и длиннее которой нет в нашей стране. Слово меридиан с юга к северному ледовитому океану через тайгу и тундру проложила она себе путь, пересекая Россию точно посередине. Вижу, что вы издалека, откуда родом будете?

Иван ответил:

– Из Ленинграда я, но вот незадача, теперь невольник, потерявший счёт времени.

– Верю вам. Здесь таких сотни тысяч. Я только что из Дудинского села выехал, так там на каждом углу лагерной зоны стоят караульные вышки. Все четыре стороны обтянуты колючей проволокой в три нити. Не знаю, зачем всё это, убежать оттуда всё равно невозможно. А куда бежать, когда на тысячи километров ни одной души не видно.

– Да, от этой красоты не убежишь. А мы едем, едем, а узнать ничего не можем. Меня зовут Иван. Вот видите, одежда на мне... По восемьдесят третьей пошёл... Но вы не бойтесь, я геолог.

– Наши суровые места примут всех. Я смотрю с палубы на проплывающие мимо тысячи вёрст совершенно безлюдных мест и поневоле убеждаюсь в бренности и суетности многих человеческих метаний. Меня Енисеем зовут, как и реку. Нет, я не боюсь вас, заключённых. Особенно, по восемьдесят третьей которые... Я – путешественник и учёный, изучаю историю нашего сибирского края, плыву на теплоходе от самого Енисейского залива. За что же вас?

– Не знаю. Кому-то в Москве, мы, ленинградцы, не понравились. Вот пришли ночью и забрали.

– Это как так, забрали?

– Да, я не один такой...

– Понимаю вас, Иван. В суровые, бескрайние и безлюдные края вас привезли. На севере масштаб пространства измеряется тысячами вёрст, отчего у северян и жизнь, и психология другая. Вы посудите сами, наша река только от Дудинки до Красноярска тянется на две тысячи километров. И это только половина её длины. Смотри, Иван, здесь в Енисей вливается река Нижняя Тунгуска, морем разливаясь в этих местах. В Туруханском крае, по которому мы движемся, расстояние между городами составляет тысячи километров.

– Да, земли и воды здесь хватает, – сказал Иван.

– Климат в этих местах очень суровый. Летом гнус до беспамьяства доводит, а зимой морозы до пятидесяти градусов доходят, поэтому и населения здесь почти нет. Спецпереселенцев и заключённых здесь больше, чем местных жителей.

Иван, не перебивая Енисея, наслаждался его густым мощным голосом и мыслями, созвучными с его представлениями о Сибири.

Нарисованные учёным местные картины позволили Ивану углубиться в далёкие прошлые времена, когда поселения края превращались в крепости, в которых организовывались пушные ярмарки, и куда съезжались купцы и торговцы со всей Сибири.

Они проговорили, сидя на палубе, почти час. Их разговор прервал охранник, обеспокоившийся отсутствием Ивана. В связи с намечавшейся остановкой теплохода в Туруханске он приказал явиться на нижнюю палубу для переклички.

Иван поблагодарил Енисея за беседу и выразил намерение встретиться с ним снова.

Оба они и сошли вниз, где разошлись по разным сторонам. На остановке теплоход пополнился десятком новых пассажиров, а заключённым было приказано в этот день на верхнюю палубу не выходить.

Вновь Иван рискнул оказаться наверху уже на следующий день. Енисей стоял на том же месте, а, увидев Ивана, поспешил к нему навстречу. Теплоход в это время медленно вырливал между островами.

Енисей сказал:

– Смотрите, Иван, с каким трудом теплоход преодолевает опасный участок, это, так называемые Осиновские пороги. Здесь в глубине имеется целая гряда подводных скал, отчего быстрое течение воды кипит бурунами и водоворотами. Грузёные баржи сами не могут пройти через них.

Иван увидел, как из-за острова по узкому протоку навстречу теплоходу тягач тянул сразу две баржи. Через несколько минут теплоход и баржи настолько сблизилась, что протянутая рука Ивана чуть не коснулась верхней части её корпуса.

– Должно быть, теплоходами здесь могут управлять только опытные капитаны, – сказал Иван.

– Да, не зная пути, очень легко напороться на камни. А тогда, жди беды, – ответил Енисей.

– Нельзя не восхищаться и здешними живописными островами. Сколько же их здесь? – спросил Иван.

– Несколько десятков. А вот тот, мимо которого мы проплываем, называется Монастырским. На него отправляли в ссылку бедных монахов сибирских монастырей. Смотрите, Иван, справа за островом в Енисей впадает река Подкаменная Тунгуска. Как вы думаете, какова её длина?

Иван, не раздумывая, ответил:

– Думаю, что километров пятьсот, не меньше.

– Не отгадали, около двух тысяч... Она протекает по громадной территории: ни одна дорога не пересекает её, ни один мост не перекинут с берега на берег. Вокруг лежат на тысячи километров бескрайние таёжные пространства. Славой же своей река обязана Тунгусскому метеориту, – уточнил Енисей.

Пока они обсуждали явление метеорита, теплоход, пройдя около часа, запетлял, огибая новые появившиеся острова.

Иван, любуясь красотой реки, произнёс:

– Не желая того, я оказался здесь и нисколько не жалею.

– Этот край своей суровой красотой приучает людей быть честными перед собой, иначе здесь не выжить. Хорошая школа воспитания, дающая почувствовать величие края и трудности жизни. Люди постигают здесь мир медленно, – добавил Енисей.

– Будем и мы здесь постигать науку выживания, – ответил Иван и, подумав несколько секунд, неожиданно для самого себя спросил:

– Енисей, а вы могли бы мне оказать услугу? В Ленинграде у меня остались сын Серёжа и мама Надежда Петровна. Они ничего обо мне не знают, потому что нам запрещена переписка.

Я назову их адрес и попрошу вас сообщить им обо мне. Не знаю, куда меня везут, но больше обо мне сообщить некому.

Енисей внимательно посмотрел на Ивана и согласился. Он не стал записывать его адреса, а, повторив его про себя и зафиксировав в своей памяти, сказал:

– Запомните и меня, я – Енисей Петрович Красноярский, вдруг ещё когда-нибудь пригожусь, – и назвал свой адрес.

Потом, помолчав, он продолжил:

– Иван, я вижу в вас честного и умного человека. Верю, что к вам незаслуженно применили насилие. Я выполню всё, что вы сказали. Я также догадываюсь, куда вас везут сейчас, попробую вас там найти. А сейчас мы приближаемся к Енисейску, где мне необходимо сойти. Думаю, что ваша остановка следующая, на Стрелке, в месте слияния Енисея с Ангарой.

Вскоре Енисей попрощался и покинул теплоход, а Иван, сидя на палубе, думал о том, что реки в этих местах больше чем просто реки, они – связующие цепи между людьми.

Теплоход действительно сделал короткую стоянку на Стрелке, заключённых вывели на берег, проводив к машинам.

Глубокой ночью их привезли в новый лагерь, где среди леса стояли несколько окружённых колючей проволокой деревянных домов. В одном из них внизу двухэтажной нары большой комнаты нашёл себе очередную пристань и Иван.

Ровно в шесть часов утра их разбудили. Была обычная переключка, где им объяснили правила поведения в новом лагере. После завтрака какой-то начальник в погонах объяснил им, что их труд будет оценён только в том случае, если они будут прилежно трудиться и вести себя по правилам лагерной жизни.

В первый же день всю бригаду, одев в валенки, фуфайки, шапки – ушанки, захватив топоры и пилы, отправили в лес огораживать территорию колючей проволокой.

Уже в лесу заключённых разбили на группы: одни должны были пилить лес, другие ошкуривать деревья, третьи делать из них столбы.

Иван занимался ошкуриванием деревьев. Непривычному к такому труду человеку не просто было справиться с заданием, но в неволе приходилось соображать быстро. Работы продолжались каждый день. За месяц широкая полоса в несколько километров, очищенная от леса, с колючей проволокой посередине была создана их руками. Во второй половине октября начались морозы, и так как из-за замёрзшей земли и высокого снега закапывать столбы в землю было невозможно, то предварительно место для вкапывания столбов оттаивали кострами. Мёрзли руки и ноги, которые отогревали у разожжённых костров. Конечно, многие заключённые были недовольны условиями работы, обмороженными возвращаясь на нары. Иван тоже получил свою долю, особенно болели кончики пальцев на руках и ногах, однако роптать он не стал, понимая, что никто его слушать не станет. За зиму и первые месяцы весны ими была создана многокилометровая ограда из колючей проволоки

Глава 8

Узкоколейка

В начале мая, когда в лесу стал сходить снег, Ивана неожиданно для него самого пригласили к начальнику лагеря майору Леснову.

– Вы Иван Шишков? Работали геологом? – спросил он.

– Да, я окончил горный институт.

Тот разъяснил причину его вызова. Оказалось, что к нему поступила записка, в которой его характеризовали, как талантливого инженера-геолога, с просьбой перевести его в распоряжение главного специалиста стройки. Он не назвал фамилию человека, рекомендовавшего его.

В этот же день Иван был вызван к главному специалисту, где был назначен бригадиром группы для строительства в лесу узкоколейной железной дороги. Ему была выдана карта местности, на которой не было зафиксировано ни одного населённого пункта, но была река, вдоль которой и должна была пройти узкоколейка. Предполагалось, что длина её составит тридцать километров, начиная с места нахождения лагеря.

Выйдя из кабинета, Иван задумался. Откуда пришло это предложение сделать его бригадиром? Сможет ли он выполнить поставленную задачу?

Уже на следующий день он вновь явился в тот же кабинет, где, получив свободный пропуск выхода и входа в лагерь, встретился с группой арестантов, призванных строить дорогу. Он запомнил их имена: Пётр, Олег, Зиновий, Николай, Александр. Все, кроме последнего, были такие же заключённые и примерно одного с ним возраста. Александр же был вольнонаёмным, но из бывших заключённых. Его приняли в бригаду, как одного из опытных в прошлом строителей.

В течение недели им предстояло пройти путь по непроходимой местности, наметить линию будущей узкоколейки, определить количество речек и оврагов для будущего строительства дамб и мостов.

Решено было, что в дорогу они отправятся на следующий день ранним утром.

Всю ночь Иван не спал, обдумывая неожиданный поворот событий и не мог себе представить того человека, который вспомнил о нём. Он понимал, что когда-нибудь тот откроется ему, а сейчас важно было не подвести его и достойно выполнить намеченную работу. Он думал, что она станет для него испытанием в испытании, потому что на него ложится ответственность за судьбы и тех людей, с которыми он был должен выполнить её.

Он стал размышлять и над тем, как не нанести вреда этим людям, вспомнив Енисея, рассказывавшего о безлюдных необозримых пространствах суровой тайги, где господствовали тучи комаров и мошек, дикие голодные звери, становящихся по весне особенно опасными.

Иван представлял себе, как они будут переходить широкие реки и непроходимые болота, угодить в которые было равносильно смерти, он думал о том, как предусмотреть всё, чтобы не оказаться в плену необдуманных обстоятельств.

Вот бы где пригодился опыт Владимира Петровича, который, ступая на любые тропы Уральских гор, предварительно продумывал каждую мелочь, чтобы уверенно и точно вести за собой геологов.

С этими мыслями он шёл поутру к незнакомым людям, с которыми предстояло первыми пройти по непроходимой тайге.

В назначенное время в сборе была вся группа, одинаково одетая в фуфайки, да шапки с сапогами. Каждому из первооткрывателей тайги были вручены орудия труда: одним – топоры, другим – пилы, третьим – лопаты. Были распределены и конкретные задания: одни должны были очищать полосу от тонких деревьев и кустарников, другие своими шагами определять километраж, готовить столбики и после каждых пятидесяти метров нумеровать и забивать их

в землю. Нужно было также сделать временные переправы в тех местах, где в будущем должны были быть построены мосты.

Ивану главный специалист вручил ракетницу на случай непредвиденных обстоятельств и для отпугивания диких зверей.

Первый столб забили прямо у барака, а далее, отступая метров на сто от реки, шли по буреломам и оврагам, окликаая друг друга. Когда кто – то не отзывался, заходя далеко в лес, вся бригада останавливалась и шла вперёд только тогда, когда все собирались вместе.

За первые день было пройдено около десятка километров пути, и к вечеру изрядно устали все. Для ночлега нашли высокое и открытое место на берегу реки.

Обратившись к членам бригады, Иван спросил:

– Ребята, как будем устраиваться на ночлег?

Тут же ответил Зиновий:

– Устроим шалаш, елей и кустов вокруг много. Мы раньше всегда так делали, сделаем и сейчас.

И пока он вместе с Николаем уходил в лес за материалом для строительства шалаша, Александр развёл костёр, а Пётр и Олег принялись за приготовление ужина. Все были при деле.

Иван же, чтобы убедиться в безопасности ночлега, обошёл вокруг всю территорию.

С высокого берега за рекой были хорошо видны волнистые серо-зелёные ковры верхушек леса, покрывавших неизведанные таёжные пространства. Куда ни глянь, везде был лес, излучавший не только красоту видов и аромат чистейшего воздуха, но и тревожное ожидание предстоящей ночи. Он переживал и за то, как эти люди поведут себя далее.

Пройдя вглубь леса, ему показалось, что из кустов на него устремились чьи – то глаза. Лёгкий шорох подтвердил догадку.

– Может это волк или медведь? Весна – время для них голодное, – подумал Иван и поспешил к месту ночлега.

К его приходу уже был сделан шалаш, возведённый из молодых срубленных сосенок, сверху покрытых ельником. На землю положили много сухой травы. Был готов и ужин, после которого уставшие за целый день напряжённого труда люди, потянулись ко сну.

Иван же никак не мог уснуть, в его глазах стояла вековая тайга, а слух был настолько восприимчив к загадочному языку нетронутой природы, что, казалось, слышался каждый шелест листы. Где-то что-то гулко и раскатисто ухнуло, кто-то пробежал рядом, остановился и медленно ушёл в лес. Он невольно приложил руку к своему сердцу и физически почувствовал, как оно учащённо билось. Нет, это был не страх, но волнительное чувство затаённой тишины. Тёмный беспредметный мир окружал его, и было такое ощущение, словно он сам был его центром. Каждый мускул его тела был готов дать отпор этой невидимой силе, извлекающей из себя тихие устрашающие звуки. Лесные образы постепенно стали таять, и он тоже уснул.

Проснулся уже тогда, когда светило солнце, а Пётр дымил вновь разожжённым костром.

После завтрака, погасив его, но в целости сохранив шалаш на случай возвращения к нему, все продолжили работу.

Продвигаться по тайге было трудно. Дремучий лес возбуждал удивление перед чем-то неизвестным, что скрывалось в её глубине. Повсюду лежали, упавшие на землю старые насквозь прогнившие деревья, отдавая дань всемогуществу времени.

Когда стали спускаться в низину, Иван хотел перешагнуть через лежащий перед ним поваленный толстый ствол, но не смог и наступил на него. Внезапно под тяжестью его тела он треснул и нога по самое колено, как в масло, вошла в прогнившее дерево.

Вытащив ногу, он сказал сам себе:

– Вот и я, не желая этого, возможно, разрушил чей-то домик, так удачно созданный самой природой.

А потом подумал и добавил:

– Так же кто-то наступил и на мою жизнь.

Остальные километры пути шли по мягким мхам широкой низины.

К вечеру бригада на свой второй ночлег собралась на покатоном открытом берегу реки при впадении в неё лесной речки. Медленное течение воды образовало здесь небольшую уютную заводь.

Разожгли костёр, соорудили шалаш. За ужином Иван решил подвигнуть рабочих к дружескому разговору.

Сам он его и начал:

– Ребята, очень хочется узнать, кто мы и откуда?

Олег тут же задал ему встречный вопрос:

– Иван, а вы сами откуда?

– Из Ленинграда, – был ответ.

– Вот и расскажите нам о себе и о Ленинграде.

Иван ответил:

– Конечно, я расскажу, но перед тем, хочется знать хотя бы из каких мест мы сюда прибыли. Думаю, что это интересно всем нам.

Вот вы, Олег, где родились?

– Из Дона я, надеюсь, туда же и вернусь. Там моя семья и вся родня живёт, – с грустью произнёс он.

– А я родился в Сибири, – произнёс Пётр.

Зиновий сказал, что он родом с Украины, а Николай, назвавшийся Николя, оказался и вовсе иностранцем, переехавшим в Москву из Франции вместе с отцом – коммунистом. Откуда был Александр, Иван не расслышал, но переспрашивать не стал.

Как и обещал, Иван стал рассказывать о себе и Ленинграде первым.

Он говорил, что очень скучает по городу, где остались жить его мама Надежда Петровна и сын Серёжа, говорил о Неве и Семимостье.

Никто не перебивал его, и ему показалось, что его рассказ о ленинградской красоте смешивалась в их представлении с красотой их малой родины.

Иван хотел, чтобы каждый из них сам пожелал рассказать о себе, но желающих не оказалось, поэтому, понимая, что недоверие нужно искоренять постепенно, сказал:

– Утро вечера мудрее, пора спать.

Третий день выдался таким же солнечным, как и два предыдущих. Низкие места, по которым они шли, через несколько километров изменили свой покров, открыв царство стройных лиственниц. Таких богатырских лесов Иван ещё не видел.

Идущий рядом Пётр, сказал:

– Красивый и величественный лес вот-вот брызнет зеленью.

– Да, спелый и звенящий лес, готовый к вырубке, – добавил Олег.

Когда все члены бригады собрались вместе, Иван сказал:

– Ребята, мы уже трое суток находимся в лесу, скоро, кажется, достигнем своей цели. Пройдут годы, и мы, дай бог, будем вспоминать эти события в нашей жизни, эту линию будущей дороги, этот величественный лес. Надеюсь, что и друг друга мы не забудем, – и, обратившись к Петру, спросил, что он об этом думает.

Пётр, немного помолчав, ответил:

– Я уже не один посёлок построил. А вспоминать, наверное, будем и это время, и друг друга. Кажется, хорошая бригада подобралась.

Оставшиеся километры проходили в основном по лиственничным и кедровым лесам. Последний столб из лиственницы на тридцатом километре будущей узкоколейки был забит самый высокий и толстый, на котором по настоянию Ивана каждый член бригады выцарапал свои фамилии.

И вновь был ночлег. По предложению Зиновия шалаш делали, используя кедровую хвою, от которой пахло тонким ароматом свежести. Разожжённый костёр в этом глухом сибирском лесу добавил людям тепла и доверия друг к другу.

Иван поняв, что люди уже в большей степени были настроены высвободить из своей души накопленные чувства обиды и несправедливости, решил вновь подвигнуть их к беседе, сказав:

– Ребята, интересно было бы послушать ваши истории. Может, кто-нибудь расскажет о себе?

Первым решился рассказать о себе Пётр. Он, подвинувшись поближе к костру и, расшевелив палкой угли так, чтобы посыпались искры, негромко произнёс:

– Ладно, я скажу. Думаю, что среди нас шептунов нет, – и стал излагать свою историю непростой жизни, начав её с истории о своём отце Владимире Александровиче Орехове, совершившим необдуманный поступок, который потом спустя много лет откликнулся и в судьбе сына.

Ещё в тридцатые годы в период создания колхозов ему, как и другим деревенским жителям пришлось весь свой скот отвести на ферму в коллективное пользование. Может и смирился бы Владимир Александрович с таким положением, хотя без коровы прокормить четверых его детей было очень трудно, но сосед уверил его в том, что будто бы Сталин разрешил бедным колхозникам взять корову обратно в своё личное пользование. Неграмотный отец, поверив ему, в этот же день привёл свою корову домой. Сельский совет, посчитав этот поступок преступлением, арестовал его вместе со старшим семнадцатилетним сыном, отправив в город. Они так и не возвратились домой. Мама, Ульяна Акимовна, осталась одна с тремя маленькими детьми. Петру тогда было девять лет, а двум его сестрёнкам Кате и Поле и того меньше. Жить было не на что, поэтому жили нищими на соседские подаяния. Уже после войны весной сорок восьмого года, когда ему исполнилось восемнадцать лет, по доносу арестовали и Петра: кто-то заявил, будто он словами выражал недовольство советской властью.

– Привезли меня в какой-то дом, а там таких, как я, было уже человек десять, – продолжал Пётр. Охранник снял с нас ремни, обрезал пуговицы на брюках и громко закричал:

– Ну, признавайся, вражина, что задумал? Не нравится советская власть?

Я растерялся:

– Товарищ следователь, я ничего такого не знаю, – и, не успев договорить, как заорёт:

– Какой я тебе товарищ, тебе волки в тамбовском лесу товарищи!

Этим он меня убил, потому что на следующие вопросы я уже не мог отвечать. Но то, что я услышал позже, повергло меня в шок. Во время допросов в комнату, где мы стояли, зашёл начальник и строго спросил:

– Как идут дела?

Отвечают:

– Вот ещё троих привезли, теперь уже тридцать девять.

Вопрос:

– А вам задание сколько, сорок два? Надо ещё троих!

Ответ:

– У нас ещё в деревне есть сын и отец: отец комбайнёр, а сын восемнадцати лет штурвальный, сейчас прямо поедем и с комбайна возьмём. А ещё одного здесь найдём, съездим попозже и привезём. Оказалось, что работали они по заданию и плану. И ничего не скрывали. Разговор вели в нашем присутствии, видимо, за людей нас уже не считали, а главное, ничего не боялись.

Пётр замолчал, поглядывая на остальных членов бригады. Видно было, что он сильно заволновался, отчего лицо его покрылось мелкими красными пятнышками.

Паузу заполнил Олег, сказав:

– Мрази, эти следователи, меня тоже били. Один, сидя, впереди допрашивал, а второй, такой здоровый мужик в форме, сзади за моей спиной дал мне со всего размаху такую оплеуху, что я, как сноп с вил, слетел, упав на пол. А потом пошло-поехало, времени счёт потерял. Чтобы прекратить побои и не остаться калекой, я подписал чистый лист бумаги, понимая, что на пустых строчках он напишет то, что ему нужно.

Пётр, успокоившись, стал продолжать свой рассказ:

– Вскоре, меня и ещё человек двадцать со мной привезли куда-то в лес, где я стал рабочим на строительстве нового посёлка. Дали инструмент – лопаты и тачки, топоры да пилы, знакомые мне с детства, и заставили строить дома. Жили под деревьями до тех пор, пока сами для себя не построили времянки. Было лето и тепло, но заедали мошки. Поначалу нормы не выполняли, поэтому пайка хлеба уменьшалась до трёхсот граммов плюс вода. Баланды переели столько, что даже привыкли к ней и на всю жизнь вкус запомнили. Потом меня назначили плотником, а ещё позже бригадиром, видно за хорошую работу. Арестованные мужики все были сибирские, вятские, уральские, нижегородские, сильные и работающие – просто молодцы. Четыре года трудились вместе, а когда посёлок построили, бригаду расформировали, Кто освоился, кого отправили ещё куда-то, а меня привезли в Красноярск.

Иван, чтобы не бередить души другими историями, предложил всем отойти ко сну, хотя видел по глазам, что и другим уже захотелось высвободить из своей души накопленные обиды.

На следующий день все были уже в лагере, и Иван докладывал главному специалисту о результатах их работы.

После окончания доклада тот попросил зайти его в кабинет начальника строительства.

– Почему его вызывал сам начальник строительства всего посёлка, которому тогда едва ли не подчинялся и сам лагерный начальник? – думал он.

Робко войдя в один из первых построенных деревянных бараков и открыв дверь приёмной, он увидел много людей. Сидевшая за столом женщина, по-видимому, секретарь, спросила:

– Вы кто?

Он назвал свою фамилию. Она попросила подождать, а сама вошла в кабинет. Через минуту возвратилась и попросила его зайти.

Иван открыл дверь. За круглым столом сидели двое мужчин, в одном из которых он узнал Енисея Петровича Красноярского.

Тот поднялся и сказал:

– Ну, здравствуйте, Иван. Вот мы и встретились снова, – и обнял его.

Иван был растроган, даже слеза выкатилась из его глаз.

Начальник строительства, Аркадий Григорьевич Андреев, тоже поздоровался с ним за руку, сказав:

– Каждый камень сам выбирает себе пару. Оставляю вас наедине. Я уезжаю по делам.

Когда они остались вместе, Енисей Петрович достал конверт и протянул его Ивану. На нём рукой Надежды Петровны, его мамы, было написан его красноярский адрес.

Иван сказал:

– Дорогой мой, Енисей Петрович, разве я думал тогда, на теплоходе, что вы выполните мою просьбу. Просто у меня не было другого выхода, поэтому я, не надеясь на успех, но, проникнувшись к вам уважением за то, что вы с большой любовью рассказывали о великой реке, о Сибири, попросил вас об одолжении. Тогда мои мысли были полностью солидарны с вашими. Мне хочется выразить вам благодарность и самое искреннее уважение.

Енисей сказал:

– Так читайте же скорее письмо от вашей мамы, а потом я всё расскажу, как мне удалось получить его.

Иван распечатал конверт, вытащил три листка бумаги. Исписанный маминым почерком был только средний лист, а другие два, сверху и снизу, оставались пустыми. Повернувшись вполоборота к Енисею, он стал читать.

«Дорогой мой сыночек, Ванечка! Глаза мои мокры от горя и бессилия, от того, что я не могу помочь тебе. Почти год не было от тебя известий. О чём только я не думала? У нас в Ленинграде ходят ужасные слухи о том, что многих арестованных расстреляли. Я верила, что ты жив. Плохие мысли я от себя отгоняла прочь. Ты жив, и это самое главное. Береги себя. Светлана также плачет и понять не может, что сделали с её мужем. Это же надо высоким властям так мучить людей. Папа Анатолия Дмитриевича не выдержал разлуки, он заболел и не поднимается с постели. Мама плачет, но держится, ухаживая за ним, она вместе со Светланой теперь стали моими самыми лучшими подругами.

Сыночек, Серёжа постоянно спрашивает, где ты? А что я ему скажу? Есть ещё одна печальная новость, но как тебе о ней сказать, не знаю: не стало Ростислава Викторовича. Не выдержало сердце. Прекрасный был человек. Твоя жена Маша с Ванечкой живёт в Златоусте. Видишь, в отсутствии тебя сколько новостей.

Скажи тому замечательному человеку, который принёс мне радостное известие о тебе, что он очень хороший. Есть на земле ещё такие люди.

Я работаю, убираю помещения в магазине рядом с домом. Ведь надо жить, одевать и обувать Серёжу, моего самого дорогого человечка. Живём скромно. Ванечка, напиши, где ты находишься? Ты наш, наш всегда, а мы, мама и сын Серёжа, всегда твои. Пиши нам. Целуем тебя».

Иван, прочитав письмо, с минуту сидел, словно отрешённый от настоящей жизни, и молча смотрел на окно барака.

Потом сознание вернулось к нему, и он произнёс:

– Мамочка... Моя дорогая мамочка... Сколько же ты перенесла страданий из – за своего сына. Только я остался таким же, как и был. Я очень тебя люблю.

Потом, повернувшись к Енисею, сказал:

– Мама у меня замечательная. Всю блокаду провела в Ленинграде и не потеряла мужества и самообладания. Отец погиб, а мама выжила ради меня и внука, моего сына Серёжи.

Енисей Петрович спокойно, так, чтобы не сбить настрой Ивана, спросил:

– Ваня, а сыну вашему сколько лет?

– Серёже первого октября будет двенадцать. Он у меня от первой жены Машеньки, погибшей в партизанском отряде. Я его очень люблю. Сейчас остался и без отца, с бабушкой живёт. Поверьте, Енисей Петрович, так сложились обстоятельства, что я всю войну служил в Челябинске на танковом заводе, а мама его погибла, когда ему было только полтора года. Это так трудно вспоминать.

– Да, понимаю. Иван. Это я написал о вас записку начальнику лагеря, узнав о вашем определении сюда. Моим хорошим другом является начальник стройки, он мой и сосед, живём рядом в Красноярске. Он каждый день ездит сюда на работу. Иногда может брать и меня. Поэтому, надеюсь, будем встречаться. А сейчас пишите письмо своей маме и сыну, о них мы ещё поговорим позже, – сказал он, подвинув к нему ручку с чернилами, лист чистой бумаги, добавив, что мешать не будет и вышел из кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.